

Загидуллина Дания Фатиховна

ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ТАТАРСКОЙ ПРОЗЕ XXI ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ф. БАЙРАМОВОЙ "СОРОК ВЕРШИН")

Статья посвящена новым явлениям в татарской прозе XXI в., в частности проявлению постколониальных мотивов в творчестве Ф. Байрамовой. На примере романа "Сорок вершин" определяются основные тенденции формируемой постколониальной литературы. Основной темой выступает судьба нерусских народов в СССР. Структурирование по принципу бинарных оппозиций, использование схем героического эпоса, экзистенциальность авторского голоса, психологизм и идеализация, романтизация главного героя составляют основу ее стиля.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/4-1/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 4(70): в 2-х ч. Ч. 1. С. 32-34. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

THE DEVELOPMENT OF GENRE CONTENT OF "THE MILITARY STORY" IN THE MARI PROSE OF THE SECOND HALF OF THE 1940-IES – THE BEGINNING OF THE 1980-IES

Guseva Nadezhda Vasil'evna
Mari State University, Yoshkar-Ola
ovechkinanadezhda@rambler.ru

For the first time the article discusses the ways of development of the genre content of "the military story" in the Mari prose of the second half of the 1940-ies – the beginning of the 1980-ies. The paper shows the enrichment of its range of problems and figurative system compared to the small prose of 1941-1945. The author reveals some aspects of genre poetics, which is the result of this process.

Key words and phrases: Mari literature; prose about war; story; genre content; range of problems; genre poetics.

УДК 821.51:82-1/-9

Статья посвящена новым явлениям в татарской прозе XXI в., в частности проявлению постколониальных мотивов в творчестве Ф. Байрамовой. На примере романа «Сорок вершин» определяются основные тенденции формируемой постколониальной литературы. Основной темой выступает судьба нерусских народов в СССР. Структурирование по принципу бинарных оппозиций, использование схем героического эпоса, экзистенциальность авторского голоса, психологизм и идеализация, романтизация главного героя составляют основу ее стиля.

Ключевые слова и фразы: проза Фаузии Байрамовой; татарская литература; постколониальность; роман; мифологизация; коллективная травма.

Загидуллина Дания Фатиховна, д. филол. н.
Академия наук Республики Татарстан, г. Казань
Zagik63@mail.ru

ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ТАТАРСКОЙ ПРОЗЕ XXI ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ф. БАЙРАМОВОЙ «СОРОК ВЕРШИН»)

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 16-14-16010).

В татарской литературе XXI века стало заметно стремление затрагивать постколониальные проблемы в аспекте «внутренней колонизации России» [3]. Появились романы, основным принципом структурирования которых стало «пробуждение памяти» нации относительно политики Советского государства применительно к нерусским народам («колониальная травма»). Параллельное воссоздание (иногда в идеализированной, утопичной форме) прошлого с национальными ценностями, героями, нравственными принципами и законами предков и в поэзии, и в прозе было направлено на утверждение уникальности татарского этноса.

Необходимо отметить, что первые попытки художественного осмысления насильственной аккультурации, коллективизации и результатов этой коллективной травмы были сделаны еще в 1960-1980-х гг. (рассказ «Невысказанное завещание» (1965) А. Еники, повесть «Три аршина земли» (1962) А. Гилязова, роман «Остаться на высоте» (1979) М. Юныса и мн. др.). Практически в каждом произведении, так или иначе затрагивающем темы культа личности, коллективизации, вынужденного переселения (не только в 1920-1930-е гг., но и в 1960-1970-е гг. – в результате строительства Заинского ГРЭС, в период строительства новых городов), культурной унификации народов СССР, многовековой имперской экспансии, присутствовали постколониальные мотивы. Во многих случаях постколониальность мышления проявлялась, прежде всего, в описании дореволюционной татарской жизни – народных традиций, этических установок и предпочтений – как потерянного рая, в противопоставлении ее советским порядкам. При этом многое в отношении оценки советского периода было завуалировано: или рассказывалось «эзоповым языком», или ограничивалось намеками.

В начале XXI века и в этой сфере произошли изменения. На первое место вышло детализированное описание коллективной травмы, которое происходило на фоне противопоставления досоветского и советского периодов в истории этноса. Мифологизация и идеализация прошлого, гиперболизированное, натуралистическое описание истории 1920-40-х гг. изменили акценты при презентации картины мира в подобных произведениях. Возьмем, к примеру, романы Ф. Байрамовой, которые можно назвать летописью истории татарского народа, пережившего ужасы тоталитаризма. Обращаясь к известным событиям, писатель воссоздает картину отношения тоталитарного государства к нерусским народам. В романе «Кырык сырт» («Сорок вершин», 2005) – это раскулачивание, ссылка в регионы строительства новых заводов и фабрик, уничтожение татарской интеллигенции, религиозных деятелей, их семей, детей.

В центре романа, как и принято в классических реалистических произведениях, – герой, с честью сумевший пережить выпавшие на его долю испытания, – уважаемый мулла Асылгерей, отец девятерых детей. В самом начале романа, упоминая историю расселения татар на Урале, прозаик пишет: «Чтобы вернуть свои земли, язык и религию, восстановить истину, им пришлось преодолеть сорок вершин истории. Но редко кто помнил тайну перехода сорока вершин. И редко кто сумел, перейдя сорок вершин Урала, достичь другого

берега океана жизни. Старик Асылгерей, происходивший из рода мурзы Мирзаяна, преодолев сорок вершин не только Урала, но и самой судьбы, оставил своему роду язык, религию и историю татар. Это рассказ о татарине Асылгерее, сумевшем пройти сорок вершин истории...» (*здесь и далее подстрочный перевод автора статьи – Д. З.*) [1, б. 5]. Такой тип повествования пробуждает «память жанра» героического эпоса, жанра средневековой литературы, в котором воспевались народные герои и их подвиги [4, с. 40-41].

В героических эпосах народов мира описывалась жизнь героя с рождения до смерти, его подвиги, любовные приключения, показывались быт и нравы определенных этносов, их ценности и взгляд на окружающий мир. Этот рассказ обычно сопровождался авторскими философскими, лирическими комментариями. В таком же ключе воспринимаются авторские отступления в романах Ф. Байрамовой. Героический эпос был тесно связан с презентацией ирреальных, находящихся вне каузальных связей, событий. Это свойство также активно используется прозаиком для усиления авторской позиции.

В качестве противопоставления советской модели устройства жизни автор в самом начале романа описывает дореволюционную жизнь своего героя. Мулла Асылгерей и его жена Махинур-абыстай, образованные, интересующиеся наукой люди, не только преподавали основы ислама, они своим примером давали уроки жизни и были для односельчан образцовою семьей. И тут же звучит голос автора: «Новой власти не нужны были ни наука, ни религия татар, им нужны были только их богатство и их труд» [1, б. 8]. Подобные авторские умозаключения сопровождают всю историю семьи Асылгереев.

Махинур обучала деревенских ребятишек рукоделию, Асылгерей – основам хозяйствования. Выращенный их трудом и трудом подрастающих детей чудесный сад, двухэтажный дом автор называет «цветочным гнездом». Но «Октябрьская революция разорила это цветочное гнездо, все поставила с ног на голову» [Там же, б. 9].

Функцию демифологизации выполняют авторские вставки обобщающего характера, всплывающие как бы в мыслях Асылгереев. Например, на главный вопрос: «Как же деревенские жители позволили властям уничтожить своих лидеров?» дается ответ в размышлениях главного героя: «После революции хазрет долго не сдавался, сумел защитить свою семью, детей, дом от кровавой трагедии тех лет. Семья осталась в целостности и в годы войн, пережила и голод, восстание вилочников Альметьевского региона также прошло их стороной. Потому что Асылгерей хазрет в этой стороне был очень известным человеком, и красные, и белые не посмели трогать его. Но жизнь уже становилась беспокойной, страна, деревня тонула в нищете, религия забывалась, слова мулл стали ненужными. Чувствовавший дыхание жизни, получающий газеты и журналы не только из Казани, но и Москвы, Асылгерей хазрет понимал, куда катится мир. Отвернувшаяся от религии, от справедливости страна была обречена на гибель. Он понимал, что его семья могла остаться под этими обломками. Но он не смог по своей воле оставить Зайтуган. Хотя вначале была возможность уехать в Турцию или в Египет. Он не смог бросить на произвол свою деревню, свое цветочное гнездо, свою нацию. Он не мог оторвать детей от родины. Но даже он не сумел до конца понять глубину бесчеловечности новой власти...» [Там же, б. 9-10].

Далее в деталях описываются бесчинства советской власти, творившиеся под лозунгом коллективизации: открытый грабёж, истязания. Власть в руках таких недалеких, завистливых, мстительных людей, как Шайтан Шакир, привела к разрушению вековых нравственных ориентиров, к хаосу, озлоблению общества. Асылгерей хазрет, как и многие муллы и муаллимы, попадает в Бугульминскую тюрьму, проходит через страшные побои, не сдается и не подписывает бумаги против себя и других, и получает пожизненную ссылку на Магнитку. Семью отправляют вслед за ним. В натуралистических деталях, гиперболизированно, четко разделяя на черное и белое, Ф. Байрамова воссоздает картины тюремных истязаний, поездки на Магнитку, муки от голода и жажды, смерть дочери Райсы... Далее – жизнь на Магнитке, смерть Саджиды от непосильной работы, созревшее решение о побеге, побег и расстрел Гилемгереев, поимка Айши и Марзии, смерть Махинур-абыстай... Широкое применение принципа психологического анализа в обрисовке персонажей, описание их состояния в критические моменты между жизнью и смертью способствуют воссозданию модели «страшного мира зла», цель которого, прежде всего, уничтожение целой нации, ее умных и трудолюбивых лидеров, способных вести за собой людей, являющихся образцом нравственности.

Однако «машине зла» противопоставляется дух человека – сильного, умного и дальновидного. На примере семьи Асылгереев писатель утверждает, что татарский народ сумел сохранить то, против чего была направлена идеология тоталитарного режима. К концу романа оставшиеся в живых дети и внуки Асылгереев, как и он сам, находят возможность транслировать духовные богатства предков своим соплеменникам. Здесь наличие стремление прозаика воссоздать картину мира, названную Н. Л. Лейдерманом «релятивным космосом» – космосом из хаоса [2, с. 588]. «Космос из хаоса» возникает благодаря твердости духа человека, Асылгереев, который сохранил в душе веру в Аллаха, надежду на прекрасное будущее своей нации и любовь к родной земле, народу и передал эти чувства последующим поколениям.

Чтобы довести до читателя эту идею, прозаик, с одной стороны, использует эмоционально-окрашенные картины, в которых описывает нравственно чистые помыслы и дела детей главного персонажа. Такими являются сцены встречи Марзии с казахской семьей, особенности ее поведения или будни Айши в тюрьме. С другой стороны, все события комментируются автором, сопровождаются его размышлениями о судьбе татарского народа в тоталитарном государстве. Авторская позиция также амбивалентна: с одной стороны, она экзистенциальная, полная сожаления и горестных чувств, с другой – в ней присутствует вера в возрождение национальных ценностей и традиций.

«Диалог с героическим эпосом» еще более выражен и подчеркнут во втором романе Ф. Байрамовой – «Караболак» («Карабулак», 2005). В основе его сюжета – история строительства радиохимического завода «Маяк» на Иртыше. При помощи документов, свидетельств очевидцев и т.д. восстанавливается «спрятанная» история, которая становится объектом демифологизации в отношении прошлого СССР.

Романы Ф. Байрамовой свидетельствуют о формировании в татарской культуре особой разновидности постколониальной литературы, которая строится на классических бинарных оппозициях, позволяющих вывести на передний план судьбу нерусских народов в СССР. Использование же схем героического эпоса служит для презентации летописи жизни людей как исторических нарративов, направленных на формирование объективного взгляда на прошлое, обеспечивая художественную привлекательность текстов.

Список источников

1. **Бэйрэмова Ф.** Кырык сырт: романнар. Казан: Татар. кит. нәшр., 2005. 672 б.
2. **Современная русская литература: 1950-1990-е годы:** в 2-х т. / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. М.: Изд. центр «Академия», 2006. Т. 1. 688 с.
3. **Там, внутри: практики внутренней колонизации в культурной истории России:** сб. статей / под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 960 с.
4. **Урманче Ф.** Тюркский героический эпос. Казань: ИЯЛИ, 2015. 448 с.

**POST-COLONIAL MOTIVES IN THE TATAR PROSE OF THE XXI CENTURY
(BY THE MATERIAL OF THE NOVEL BY F. BAYRAMOVA “FORTY SUMMITS”)**

Zagidullina Daniya Fatikhovna, Doctor in Philology
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan
Zagik63@mail.ru

The article is devoted to new developments in the Tatar prose of the XXI century, in particular the manifestation of postcolonial motifs in the creative work of F. Bayramova. By the example of the novel “Forty Summits” the main trends of the forming post-colonial literature are determined. The main theme is the fate of non-Russian peoples in the USSR. Structuring according to the principle of binary oppositions, the use of schemes of a heroic epic, existential character of the authorial voice, psychology and idealization, romanticizing of the main character form the basis of her style.

Key words and phrases: prose of Fauzia Bayramova; Tatar literature; postcolonialism; novel; mythologization; collective trauma.

УДК 81.1; 008:361

В рамках данной статьи рассматриваются общие вопросы операциональных возможностей когнитивно-прагматической программы в контексте литературоведческих исследований житнетворческих и мифобιοграфических структур. При этом когнитивно-прагматическая программа понимается как особая концептуальная матрица, целостная система целевых, самоидентификационных (ролевых, инкарнационных), инструментальных и оценочно-результативных когнитивно-прагматических установок, синтезирующая в себе различные субъектные модальности (субъект-источник – субъект-интерпретатор) и выступающая в роли ментально-когнитивной связки между сознанием, мышлением, интеллектом и эмоциональным интеллектом человека.

Ключевые слова и фразы: когнитивно-прагматическая программа (КПП); биографический миф; автобиографический миф; синтетическая языковая личность (СЯЛ); субъект-источник; субъект-интерпретатор.

Иванов Дмитрий Игоревич, к. филол. н., доцент

Гуандунский университет международных исследований, Китайская народная республика

Ивановский государственный университет

Ivan610@yandex.ru

**ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОНЯТИЙ «БИОГРАФИЧЕСКИЙ МИФ»
И «КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА»: ОБЩИЕ ВОПРОСЫ**

В пространстве современной парадигмы гуманитарного знания, в контексте антропоцентрического направления предельную актуализацию получают семиотико-когнитивные исследования языка, личности, текста и полидискурсивного пространства культуры [8; 9; 10]. В настоящее время одной из наиболее перспективных областей применения когнитивных технологий анализа становится литературоведение, в котором «все активнее начинает устанавливаться традиция подхода к художественной литературе как к мышлению. Такое обращение к данной теме видится весьма закономерным, и вполне объяснимым представляется появление когнитивного литературоведения <...> когнитивное литературоведение – не очередной вариант новой теории литературы, призванный заменить собой ее предыдущие разновидности, а фундамент для множества возможных теорий. Тем более, что вся художественная литература эксплуатирует ресурсы современного ей обыденного языка и концептуальных структур, раскрывающихся в ненаиболее полным образом» [1, с. 9-10].

В рамках этих исследований была разработана авторская концепция синтетической языковой личности (СЯЛ), которая представляет собой особое «полисубтекстуальное (синтетическое) образование, формирующееся на базе генетического сращения различных знаковых систем» [7, с. 97]. Так, например, в пространстве рок-культуры внешняя (формальная) структура СЯЛ рок-поэта (рок-музыканта) состоит из вербального,